

4. Сирятський В. О. *Модест Мусоргський як реформатор фортепіанного мистецтва [Текст] : навч. посібн. / В. О. Сирятський. — Харків : Факт, 2003. — 142 с.*

5. Чергеев А. А. *Темпоральне розширення як фактор розвитку хорошого мистецтва Криму XIX–XXI століть [Текст] : автореф. дис. ... канд. мистецтвознав. : 17.00.03 / А. А. Чергеев. — Харків, 2012. — 18 с.*

6. Ельвіра Емір [Електронний ресурс] : НСКУ. Преса, відгуки : *Творчий доробок : Твори МРЗ (Фрагменти) : Видання : Дискографія / Ельвіра Емір. — Режим доступу : <http://www.ua>. — Загол. з екрану.*

7. Яцков О. В. *Музична культура Криму 1900–1980-х років в аспекті регіоніки [Текст] : автореф. дис. ... канд. мистецтвознав. : 17.00.03 / О. В. Яцков ; НМАУ ім. П. І. Чайковського. — К., 2012. — 16 с.*

УДК 781.7 (477.75)

Ельвіна Алімова

ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА КРЫМСКОТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ «ФОЛЬКЛОР И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Целью данной статьи является характеристика жанрово-стилевой специфики крымскотатарского фольклора, формировавшегося под влиянием различных интонационно-языковых источников, но сохранившего национальное своеобразие. Активное претворение фольклорного пласта в современном композиторском творчестве заставляет рассматривать национальные музыкальные традиции как **актуальный объект** настоящего исследования, **предмет** которого составляет жанровая стилистика крымскотатарского музыкального фольклора.

Профессиональное музыкальное творчество формируется под влиянием интонационных идей, связанных с непрофессиональной, прикладной сферой практики общественного музицирования. Такие обобщающие понятия, как «интонация», «интонирование» дают возможность постижения исторической диалектики профессионального и непрофессионального творчества, иными словами – диалекти-

ки художественно-самоценной и прикладной музыки. Как отмечает Е. Маркова, «последняя выступает нередко непосредственно в роли “генератора идей” музыкального творчества» [7, с. 9], что относится, в первую очередь, к фольклору в самых разнообразных его исторических и региональных проявлениях.

«Обиходные» (термин Г. Бесселера [12]) – связанные с ритуалом, обрядом, жизненным предназначением – жанры, формируемые в фольклорном интонировании, «перетекают» в «третий пласт» (музыку быта), выступают своеобразной питательной средой для академического музыкального творчества. С этих позиций Е. Марковой предложена дефиниция понятия «интонационная идея», подразумевающая «смысловой “сгусток” музыкальной лексемы, признаки которой “пронизывают” музыкально-речевую сферу конкретного исторического периода и аккумулируются в прикладной музыке, обслуживающей ведущую в данном историческом раскладе социально-культурную деятельность» [7, с. 10].

В историко-художественном контексте интонационные идеи, рождаемые в прикладной сфере, не обязательно являются опережающими по отношению к самоцельному музыкальному творчеству – в профессиональной музыке «признаки интонационной идеи могут обнаружиться значительно раньше» [там же]. Однако в профессиональной музыке интонационные идеи всегда представлены в «художественном метафорическом контексте, в сопряжении с иными выразительными комплексами, тогда как в прикладном искусстве они выступают в знаково “обнаженном” виде» [там же].

В крымскотатарском музыкальном фольклоре прикладная функция интонационных идей сопряжена с художественной. На лексико-музыкальном уровне фольклор образует своего рода «точку пересечения» музыкального и немзыкального миров, тот участок “живой ткани” человеческого самовыражения в речи, в движении-жесте, который “трансплантируется” в музыку, обновляя её смысл, подчиняя духовным устремлениям общества» [7, с. 11].

Крымскотатарский фольклор сложен и многосоставен. Он распространяется из прикладной на особую художественную сферу творчества народных профессионалов, которая, не обладая в полном объёме признаками самоцельного (академического) музицирования, ассими-

лирует интонационные «сгустки» лексем, влившихся в музыкальный язык крымскотатарского народа из разных источников.

По классификации О. Соколова, фольклорная музыкально-интонационная сфера относится к «прикладной взаимодействующей» музыке, представленной собственными жанрами. Они (эти жанры) «первичны, возникают в прямом соответствии со своей простой и ясной жизненной функцией и, как правило, её полностью удовлетворяют, не нуждаясь в заимствовании из других родов» [8, с. 14]. Прикладная взаимодействующая музыка (в том числе и фольклорная) представлена двумя семействами, развивающимися неравномерно: «Танцевально-бытовая музыка, обслуживающая столь постоянный и неизменный вид человеческой деятельности – о б щ е н и е , пройдя длительную историю, через дифференциацию народных и аристократических (бальных) танцев, а затем через её преодоление, развивается очень интенсивно. Этого нельзя сказать про песенно-бытовую музыку: значительную её долю составляет консервативный пласт фольклора, пополняемый сравнительно медленно произведениями композиторов-профессионалов <...>. Причина такого отставания песенно-бытовой музыки заключается, очевидно, в механизации труда, а также в постепенном отмирании народных обрядов» [8, с. 14].

В целостной системе фольклорно-музыкального пласта неравномерность в развитии двух семейств жанров – танцевальной и песенной музыки – осуществляется в полной мере. Музыкальный фольклор крымскотатарского народа не является исключением. Жанровые начала – речевое (песня) и моторно-двигательное (танец) – в фольклоре постоянно взаимодействуют между собой, исторически и художественно «пересекаются», выступают в синкретической форме «обиходной» жанровости. Если песня – уже собственно музыкальный жанр, то танец, будучи связанным с песенной интонационностью, сохраняет морфологическое родство с другим видом искусства. При этом «нет такой танцевальной мелодии, в основу которой не могла бы быть положена переработанная на инструментальный лад песня» [8, с. 15].

Характеризуя роль одиночного пения в фольклорной культуре, Н. Чернышевский отмечал: «Пение первоначально и существенно, подобно разговору, – произведение человеческой природы, а не про-

изведение искусства» [10, с. 58]. Фольклорная песня, в том числе и крымскотатарская, является и тем, и другим. Она обращена к слушателю, а тем самым становится преимущественно произведением искусства, хотя ещё и не отделённым полностью от быта, «но уже впрямую отражающим органическую потребность в эмоциональном сообщении» [1, с. 12]. В фольклоре существуют (сосуществуют) «и “концертное” пение для публики, и интимное пение для себя <...>. Между этими видами пения постоянно происходит взаимодействие, обмен нормами, общим эмоциональным тонусом, конкретными мелодическими идеями, оборотами, попевками» [1, с. 12].

Впервые системное исследование крымскотатарского музыкального фольклора было осуществлено ещё в 20-е гг. XX в. А. Рефатовым [13]. Известный в настоящее время сборник песен и танцев Я. Шерфединова «Звучит Кайтарма» [11] имеет большую познавательную ценность, но во вступительной статье к нему автор ограничивается лишь этнографическим описанием некоторых обрядов, характерных для степного Крыма, без какого-либо анализа музыкального материала и указаний на методы и условия его собирания.

А. Рефатов в своём исследовании исходит из истоков – тех влияний, которые испытала на себе национальная музыка крымских татар: «крон вустады» – старогреческой метроритмической системы, широко распространённой в Европе, и арабо-персидских «макъаматов». Исследователь подчёркивает, что «близость» и «схожесть» не являются отождествлением, а предстают как результат исторически длительного процесса взаимодействия музыкальных культур и систем. В частности, в области размера («сыра, эда») в крымскотатарской музыке, помимо простых и сложных тактов, встречаются так называемые «усечённые», дающие в сумме 9 (4+5), 7 (4+3), 5 (2+3): «в размере 9, если сперва 4, а затем 5, то это, по традиционной крымскотатарской терминологии – “акъсакъ айдын усулы”, если 5, а затем 4 – то “чифте суфиян”. Такт 7 называют “деври хинди”» [13, с. 4].

Особое внимание в исследовании А. Рефатова уделено социально-историческим, этнографическим и языковым особенностям музыки степных татар («ногайцев»). Их музыка включает в себя песню («джир-йыр») с развёрнутой протяжной мелодией и нечто вроде частушки («чинь») – короткую мелодию квадратной 8-тактовой

структуры импровизационного характера. В качестве танцевальной музыки представлены два типа мелодий – «лёгкие» и «тяжёлые» (замедленные), в крымскотатарской терминологии соответственно «ава» или «йенгиль ава» и «агыр ава».

В бытовом и обрядовом фольклоре степных татар преобладают песни рода «чинь», представленные в умеренных и медленных темпах. Они «исполнялись на свадьбах (“той”), торжествах, коллективных работах – “талакъа” (отсюда русское “толока”), гуляниях молодежи – “арепене”, где молодые люди показывают свою удаль, танцевальное искусство, красноречие, способности в национальной борьбе и другие качества (от арабского “арепене” – “обусловленный знакомством, знанием” (возможно, отсюда русское – “ерепениться”))» [4, с. 23].

«Чинь» являлись неотъемлемой частью обрядового действия или игры, что отражено в практике их индивидуального и коллективного исполнения. Чаще всего это были песенные состязания между группами молодых людей. С каждой стороны выступали 2–3 очень талантливых и сильных импровизатора – «шаир», «кедай». Их функция заключалась в постоянном создании новых текстов на одну и ту же мелодию, подхватываемую другими участниками игры. Специфика жанра “чинь” (частушек) А. Рефатовым рассматривается как общая для тюркских народов, в том числе, для казахов и киргизов, у которых распространены аналогичные жанры: «В отличие от песни (“джир, йыр”) импровизируемые частушки “чинь” не имеют собственной мелодии, а исполняются под уже известную. В случае несоответствия лексико-поэтической ритмики типовому напеву в “чинь” добавлялись мелодические концовки разных традиционных видов – “асабай”, “кадай” и др.» [13, с. 24].

Характеризуя танцевальные («оюн», «ракъс») и песенные («тюркю») мелодии степного Крыма, А. Рефатов отмечает их достаточную малочисленность и связь с фольклорными образцами среднего и южного Крыма. Это относится и к «кайтарме», типов которой у степных татар гораздо меньше, а исполнения этого танца не столь многочисленны. В ладовости «йыр» А. Рефатов выделяет оттенки разных диатонических звукорядов – фригийского, миксолидийского, эолийского, дорийского, а в метроритмической сфере – преобладание «усечённых» размеров на 5/8, 7/8, 9/8 [13, с. 25].

Локальный характер и специфика музыки степных татар в корне отличались от полноты и разнообразия музыкального фольклора среднего Крыма (города Бахчисарай, Карасубазар, Эски Крым, Кефе, долины Бельбека, Качи, Альмы, предгорные районы). Музыкально-фольклорные традиции в этом регионе формировались под влиянием профессионального творчества, и не только музыкального: «Во дворцах и резиденциях хана, калгъы-султана, нуреддинов, поместьях феодалов – “бийев” и “мурз” – жили и творили поэты, певцы (“мугъани”), музыканты – исполнители и сочинители не только из Крыма, подвластных территорий и соседних стран, но из стран Европы (Средиземноморье – Италии, Греция, Балканы) и Востока (Египет – особенно в мамлюкский период, Иран, Турция, Кавказ, Средняя Азия)» [3, с. 25]. В результате возникали стилистически разные языковые модели, напоминающие «то классическую музыку Турции, Ирана, Закавказья, которую, в свою очередь, не обошла влиянием арабская музыкальная культура, то иногда греческие “трагуди”, “хороны” и итальянские (генуэзские) “канцонетты»» [13, с. 26].

Отсюда – синтетический, многоисточниковый характер отдельных конкретных жанров в национальной музыке среднего Крыма. К таковым относятся: «“такъсимы” (от арабского – разделение, прерывание, пауза), “пешреф” (от персидского – предшествующий, следующий вначале, начинающий), “тюркю” – песни, танцевальные мелодии – “оюн ава”, “хайтарма” (более 10 видов), “долу” – мелодии встреч и проводов (“къарышлыкъ”, “ел авасы”), мелодии, связанные со свадебными и другими обрядами (“келин авасы”, “тыраш авасы”) и многие другие» [3, с. 26–27].

Особую область музыкально-поэтического творчества крымскотатарского народа представляют религиозные песнопения. Как отмечает Г. Туймова, «основой религиозной практики крымских татар явилось распевание в процессе Дуа (молитв) поэтических текстов известных поэтов-суфиев мусульманского Востока: Юнуса Эмре, Джалаладдина Руми, Сулеймана Челеби, Ашык Умера, Ашык Керима» [9, с. 25]. Основным жанром являлось чтение «мевлюдов» (в переводе с арабского – «место и время рождения пророка Мухаммеда»). В ритуальной практике крымских татар «мевлюд» выступает как неотъемлемая часть «дуа», который распевается после речитации сур Корана:

«В крымскотатарской культуре распространился и закрепился в качестве канона “мевлюд” на слова известного османского поэта-суфия Сулеймана Челеби, написанный в жанровой форме исламской классики месневи, арузным метром “рамааль”. Этот метр полностью сохранен в напеве, ладовая сторона которого у крымских татар отражает классическую систему макамов» [9, с. 26]. Этот факт подтверждает синтетический характер крымскотатарского фольклора, включающего в свою систему и арабо-персидский компонент.

Одним из знаковых жанров крымскотатарского музыкального фольклора является «хайтарма». А. Рефатов особо подчёркивал, что «“хайтарма” – танец, возникший только в Крыму, а поэтому не может быть отнесен к танцам Кавказа, Турции, Ирана и других стран Востока. В основе современной “хайтарма” – древний обрядовый танец, связанный с коллективными танцами в знак благодарности милостям Всмогущего. Само название «х(кь)айтарма» – возвращение, возврат чего-либо за что-то» [3, с. 28].

В фольклоре разных регионов Крыма распространены песни «долу», характеризующиеся сочетанием приподнятости с элегической грустью. Анализируя этимологию крымскотатарского названия «долу», С. Изидинова находит сходство с греческими и латинскими корнями, а также с итальянским «dologe» – «боль, горе, скорбь, печаль; “doloroso” – горестный, печальный, скорбный» [3, с. 29]. Наличие протяжных «долу» в крымскотатарском фольклоре, исполнявшихся как в виде песен, так и в виде инструментальных мелодий на общественных собраниях – во время застолий или ремесленно-цеховых праздников, – сближает крымскотатарский фольклор с протяжными южнорусскими и украинскими песнями. В потенциале «долу» составляют основу песенной лирики крымскотатарского народа, служащую источником для профессионального композиторского претворения, и используются, в частности, в музыке к драматическим спектаклям («Арзы кьыз» – «Девушка Арзы» с музыкой Я. Шерфединова и И. Бахшиша).

В фольклорном наследии крымскотатарского народа представлены и чисто инструментальные жанры, к которым относятся «борулу» или «борлы». По мнению С. Изидиновой, данное название восходит к «боры» – рог-труба с глухим сильным звуком, служивший для опо-

вещения о начале военных действий: «В крымскотатарском языке до сих пор бытует слово “боры” в значении “медведь” (редко “волк”), с ревом которого ассоциируется звук рога. Широко распространено выражение “Борысы улуды” – “затрубил его (их) рог”, употребляемое в тех случаях, когда началось, осуществляется или произошло очень желаемое, любимое, долго ожидаемое кем-то дело или событие» [4, с. 8].

В своём исследовании крымскотатарских фольклорных образцов А. Рефатов значительное внимание уделял сопоставлению их стилистики и языка с инонациональными истоками. В мелодиях отдельных «тюрюк» (песен) и «оюн» (танцев) исследователь видел отражение ладовости старогреческой музыки сквозь призму тюркских и арабских напластований: арабско-тюркские лады «Макур» и «Щур» содержат, соответственно, ионийскую и эолийскую ладовые основы, а «Шуштер» и «Джигаргах» относятся к разряду цыганско-венгерских мелодий-плачей, составляющих, по А. Рефатову, и основу восточных «макъаматов». Ещё ранее К. Квитки, уделившего в своих исследованиях по фольклору определённое внимание и народным напевам Крыма [5; 6], А. Рефатов высказал мысль о том, что лады с увеличенной секундой могли проникать в песенное творчество крымских татар не только с Востока, но и с Запада. В связи с этим обнаруживается схожесть ладового колорита и «орнамента» мелодий песен и танцев крымских татар со старинной народной музыкой понтийских и архипелагских греков, на что А. Рефатов впервые обратил серьёзное внимание. Кроме того, крымскотатарский музыкальный фольклор наиболее полно ассимилировал эту исторически утраченную область музыкальной культуры «стыка» Европы и Азии, сохранил её самобытность в ауре национального менталитета. Особым своеобразием отличаются средне- и южнокрымские «тюрюк». Они довольно сложны по форме и содержат внутрислоговой распев, орнаментуку, в них господствуют лады с увеличенной секундой.

Особую область крымскотатарского музыкального фольклора составляют инструменты, подробно описанные как А. Рефатовым [13, с. 30–36], так и Я. Шерфединовым [11, с.10–15]. В крымскотатарской народной музыке «самыми старинными являются “зурна” (духовой инструмент, существующий и как “тулуп-зурна” – волынка,

распространенный в Средней Азии, на Кавказе и в арабских странах), “хавал” (духовой инструмент типа свистковой дудки), “думбелек” (парные литавры), “давул” (большой барабан с тарелками), “кеманча” (струнно-смычковый типа инструмент), “дарэ” или “дойра” (бубен) и др. Инструменты мелодического объединялись в ансамбли и редко использовались как сольные. Среди типичных ансамблей степного Крыма – “давулджилар” (две зурны и барабан), “индже саз такымы” (саз, багълама, ребаб, кеманча, най, сантыр, дарэ, думбелек)» [3, с. 31–32].

В городском фольклоре Крыма (после присоединения Крыма к России) широкое распространение получили европейские инструменты – скрипка, кларнет, труба. Типовым ансамблем в современном крымскотатарском музыкальном быту является «чал»: скрипка, кларнет, зурна, дарэ. Как отмечает Ф. Алиев, «в разные периоды истории одни инструменты теряли свою популярность, другие же занимали ведущее положение» [2, с. 16]. Автор «Антологии крымской народной музыки» далее с сожалением констатирует, что из старинных крымскотатарских народных инструментов не осталось ни одного, занимающего в «чалах» ведущее положение. Это демонстрирует, в частности, практика музыкального оформления крымскотатарских свадеб, «в ансамблях которых дольше всех удержались давул и дарэ» [2, с. 16].

Среди основных жанров крымскотатарской народной вокальной и инструментальной музыки, определяющих в целом её специфику и в профессиональном творчестве, можно выделить следующие: 1) «Чин» (частушки) – стихотворные импровизации на неизменную мелодию; 2) «йыр» (песня) – этот жанр получил распространение в степных районах Крыма, характерными чертами его является простота и диатоничность напева, обычно небольшого диапазона; используются различные ладовые оттенки – фригийский, миксолидийский, дорийский и, как правило, «усечённые» размеры 5/8, 7/8, 9/8 (со структурой 4+5); 3) «тюрюк» – южно-крымский вариант песен, обладающий целым комплексом выразительных средств – им свойственны внутрислоговой распев, орнаментика и лады с увеличенной секундой (гармонический минор и дважды гармонический минор, то есть украинский «думный лад», «гуцульская гамма»); 4) религиозные пес-

нопения (макхамы, мевлюды, дуа); их истоки – речитация сур Корана, предшествующая чтению «мевлюдов» – отрывков, посвящённых жизни пророка Мухаммеда; религиозные песнопения до настоящего времени представляют собой чтение нараспев поэтических текстов поэтов-суфиев в процессе молитвы – «дуа»; 5) «долу» – в фольклорной традиции – разновидность лирической протяжной песни; «долу» нередко упоминаются в качестве мелодий обрядово-бытового характера, звучащих при встречах, проводах и т. п.; их протяжённые напевы и лирическое содержание послужили одной из основ формирования крымскотатарской вокальной лирики в целом; 6) танец «хайтарма»; этимология этого названия спорна – наиболее распространённый русский перевод – «возврат»; отличительные свойства ритмики «хайтарма» как танца – переменный размер 7/8, 9/8 (4+5); 7) «борылы» («борлы») – чисто инструментальный жанр, популярный во времена ханства; сейчас практически вышел из употребления.

Из перечисленных жанров в вокальном творчестве крымскотатарского народа (в фольклоре и профессиональной музыке) наиболее значительными становятся «йыр», «долу», «тюркю». Из инструментальных жанров преимущество имеет «хайтарма», являющаяся своего рода «визитной карточкой» крымскотатарской музыкальной культуры.

Таким образом, крымскотатарский музыкальный фольклор, составляющий основу для создания национальной композиторской школы, отличается значительным разнообразием и, вместе с тем, яркой спецификой. Его исследования, предпринятые А. Рефатовым, заложили фундамент, на который опирались последующие поколения собирателей и обработчиков песенного и инструментального наследия крымского региона, где крымскотатарская музыка занимает ведущее положение. Жанровые и стилевые черты крымскотатарской музыки определяются своеобразным пересечением влияний Востока и Запада, региональным разнообразием и интересной с художественной и научной точек зрения эволюцией. Сочетание почвенного и исторически более нового, возрождение и развитие традиций, обогащённых современным музыкальным языком, представляется основным направлением в творчестве профессиональных крымскотатарских авторов и исполнителей – Ф. Алиева, Дж. Карикова, М. Халитовой, У. Кенджикаевой, Э. Эмир и многих других.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев Э. Е. Раннефольклорное интонирование: звуковысотный аспект [Текст] / Э. Е. Алексеев. — М. : Сов. композитор, 1986. — 240 с.
2. Антология крымской народной музыки: музыкальный фольклор автохтонных народов Крыма [Текст] / собиратель, исслед., сост., автор Ф. М. Алиев. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2001. — 600 с.
3. Изидинова С. Р. О национальной музыке крымских татар [Текст] / С. Р. Изидинова. — Севастополь : ЭКОСИ-Гидрофизика, 1995. — 45 с.
4. Изидинова С. Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.06 / С. Р. Изидинова ; Ин-т языкозн. АН СССР. — М., 1982. — 21 с.
5. Квитка К. В. Заметка о происхождении русской песни про татарский полон [Текст] // К. В. Квитка. Избранные труды : в 2 т. — М. : Музгиз, 1971. — Т. 1. — С. 61–72.
6. Квитка К. В. О происхождении хроматизма в народной музыке славянских народов [Текст] // К. В. Квитка. Избранные труды : в 2 т. — М. : Музгиз, 1971. — Т. 1. — С. 312–335.
7. Маркова Е. Н. Интонационная концепция истории музыки [Текст] : автореф. дис. ... д-ра искусствовед. / Е. Н. Маркова. — Киев, 1991. — 38 с.
8. Соколов О. В. К проблеме типологии жанров [Текст] / О. В. Соколов // Проблемы музыки XX века : [сб. ст. / ред. кол. В. М. Цендровский и др.]. — Горький, 1997. — С. 12–58.
9. Туймова Г. Р. Исламское искусство крымских татар [Текст] / Г. Туймова. — Казань : ФЭН, 2002. — 25 с.
10. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности [Текст] : (диссертация) // Н. Г. Чернышевский. Избранные статьи. — М. : Литература, 1978. — С. 24–134.
11. Шерфединов Я. Звучит кайтарма. Татарские народные песни и инструментальные наигрыши [Текст] / Я. Шерфединов ; ред. и послесл. Л. Н. Лебединского. — Ташкент : Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1978. — 271 с.
12. Bessler H. Aufsätze zur Musikästhetik und Musikgeschichte [Текст] / H. Bessler. — Leipzig : Gülke, Peter, 1978. — 386 s.
13. Refatov H. Qъгът tatar xalk ыrlarъ [Текст] / H. Refatov / Aqmescit : Qъгът devlet nestrieti, 1934. — 48 s. — (На крымскотатарском языке).